

А.А. ЛАВИЦКИЙ
г. Витебск, Республика Беларусь

ТЕРМИНОСИСТЕМА СОВРЕМЕННОЙ ЮРИСЛИНГВИСТИКИ: КАТЕГОРИЯ УМЫШЛЕННОСТИ

В статье обосновывается необходимость введения в терминологический тезаурус юрислингвистики категории умышенности. Установление признаков умышенности коммуникативного высказывания является обязательной экспертной процедурой для некоторых правонарушений, совершаемых вербальным способом.

*Предпринимается попытка репрезентации термина **умышенность** в аспекте теории трансфера, включив в его содержание характеристики, устанавливаемые верифицировано лингвистическим методологическим аппаратом и соответствующие критериям, значимым для юриспруденции.*

К л ю ч е в ы е с л о в а: *умышенность, юрислингвистика, терминосистема, транстерминологизация, интенция.*

ТЕРМІНОСИСТЕМИ СУЧАСНОЇ ЮРИСЛІНГВІСТИКИ: КАТЕГОРІЯ НАВМИСНОСТІ

У статті обґрунтовано необхідність введення до термінологічного тезаурусу юрислінгвістики категорії навмисності. Установлення ознак навмисності комунікативного висловлювання розглянуто з позицій обов'язкової експертної процедури для деяких правопорушень, скоєних словесним способом.

Зроблено спробу репрезентації терміна навмисність в аспекті теорії трансферу, включивши в його зміст характеристики, що встановлюються верифікованим лінгвістичним методологічним апаратом і відповідають критеріям, значущим для юриспруденції.

К л ю ч о в і с л о в а: *навмисність, юрислінгвістика, терминосистема, транстермінологізація, интенція.*

Юридическая лингвистика – одна из самых молодых отраслей современного языкознания. Ее становление в парадигме лингвистических учений обусловлено, в первую очередь, прикладной значимостью исследований, востребованных в процессуально-следственной и судебной деятельности правоохранительных органов. Особую актуальность в данном контексте получила такая подотрасль, как лингвистическая экспертология, ориентированная на изучение продуктов речевой деятельности, являющихся предметом юридического регулирования. Первые научные исследования в лингвистической экспертологии, однако, показали наличие серьезной теоретической лакуны – отсутствие верифицированных концепций и процедур экспертной работы с текстом, то есть невозможность объективно «решать конкретные исследовательские задачи» (Бринев, 2009: 15).

В науке эта проблема решается по-разному: интенсифицируется разработка теоретической базы, актуализируется имеющийся опыт в смежных областях познания или, как это произошло в юрислингвистике, количество прикладных исследовательских данных переходит в качественный показатель. Объем подготовленных специальных экспертных заключений, ставших обязательной

составляющей судебно-следственных действий по целому ряду правонарушений, совершаемых вербальным способом, позволил в сжатые сроки обосновать целый ряд теоретических положений, воплотившихся в полноценные научные концепции (см. труды А.Н. Баранова (Баранов, 2007), О.С. Иссерс (Иссерс, 2012), Н.В. Кисиль (Кісіль, 2015), М.А. Осадчего (Осадчий, 2007) и др.).

Очевидно, что наличие достаточно обоснованной теоретической базы является важнейшим фактором состоятельности любой научной отрасли, но не самоцелью ее развития и тем более конечным результатом. Кроме доказанных теоретических основ, в фундамент строительства исследовательского направления следует закладывать целый комплекс научных метаданных, таких как целеполагание, объектно-предметные связи, методология, собственный терминологический аппарат. Именно последний из указанных аспектов пока не получил должного развития в юрислингвистике, где вопрос о нормализации понятийного тезауруса назрел достаточно давно. Еще в начале XXI века Н.Д. Голев и О.Н. Матвеева писали об актуальности создания специального юрислингвистического терминологического словаря (Голев & Матвеева, 2006: 202). К сожалению, эта задача не реализована до настоящего времени. Думается, что во многом такое положение дел является объективно обоснованным: подготовка терминологического словаря требует серьезной работы касательно категориальной каталогизации, междисциплинарного осмыслению понятийного аппарата, согласования внутрипарадигмальных связей и т.д.

Существует и еще одна проблема, связанная с недостаточным осмыслением ряда категорий в аспекте их функционирования в качестве компонентов юрислингвистической терминосистемы. Дело в том, что в рассматриваемом нами направлении используется целый ряд понятий, разработанных и обоснованных в теории лингвистики, юриспруденции, психологии и т.д., то есть имеющих междисциплинарный характер. Их трансфер в сферу влияния правовой лингвистики не может превратиться в механическое калькирование и требует серьезной теоретической аргументации. Кроме того, обоснованным должно быть и само введение термина в понятийную базу. Отмеченное выше соответствует двум ключевым ипостасям терминологической единицы: термина как 1) результат и как 2) орудие / инструмент познавательной деятельности: «информационно-когнитивная структура, аккумулирующая специальные знания, необходимые в процессе научной коммуникации и профессионально-научной работы» (Комарова, 2010: 16).

Термин – лексическая единица особого порядка, языковой знак, имеющий более высокий уровень абстракции, нежели обычное слово, так как содержит информацию, которую не включал исходный знак. Его функционирование в разных научных парадигмах и направлениях обеспечивается за счет транстерминологизации – процесса понятийной перекодировки (по А.В. Суперанской). Очевидно, что транстерминологизация является основой формирования категориального аппарата юрислингвистики, которая использует как правоведческие, так и лингвистические терминологические единицы, а также понятия, культивирующиеся в философии, педагогике, психологии и т.д.

В настоящей статье речь пойдет о понятии умысла. Обоснованность включения данного термина в тезаурус юридической лингвистики объясняется несколькими причинами. Во-первых, умысел является одной из форм вины (правонарушение признается умышленным, «если лицо, его совершившее,

сознавало общественно опасный характер своего действия или бездействия, предвидело его общественно опасные последствия и желало их или сознательно допускало» (Юридический энциклопедический словарь, 1987: 492) – отягощающим обстоятельством противоправного деяния, в том числе совершаемого вербальным способом. Во-вторых, умышленность относится к идентификационным признакам некоторых преступлений. Так, например, в белорусском законодательстве оскорбление – есть умышленное унижение чести и достоинства личности, выраженное в неприличной форме (ст. 9.3 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях). То есть наличие умысла является обязательным условием дифференциации противоправной речевой деятельности от допустимой законом.

Несмотря на то, что в юриспруденции понятие умысла имеет терминологическое определение, связанное с характеристикой *намеренности* наступления определенных последствий, и даже собственную типологическую структуру (выделяют прямой, косвенный, интеллектуальный, волевой и др. виды умышленности), его употребление в правовой лингвистике, в частности, лингвистической экспертологии, в представленной выше трактовке невозможно. Дело в том, что для обозначенных отраслей языкознания имеющееся понимание умысла не может быть установлено верифицированными процедурами экспертного изучения продуктов речевой деятельности.

Недостаточным для специального экспертного исследования текста является и трансфер термина умышленности из философии, социологии, психологии, педагогики и др. гуманитарных дисциплин. Для философии умысел – основа любого действия, результат которого соответствует его цели. Еще Г. Гегель писал, что «воля имеет право признавать своим в своем деянии лишь то и нести вину лишь за то, что ей ведомо как предпосылка ее цели, лишь то, что содержалось в ее умысле» (Гегель, 2009: 141). В педагогическом дискурсе умышленность рассматривается как совокупность «элементов мотивационно-потребностной сферы» (Новиков, 2013: 128), а в психологии – обязательная детерминанта любого сознательного поступка. В этой позиции психология доказательно указывает на ошибочность педагогического понимания умысла, а также факультативность характеристики мотива для отдельных вопросов правоприменительной практики. Сравним, например, В.А. Смирнов пишет, что без указания на цель и мотив понятие умысла утрачивает предметность (В.А. Смирнов, 2011: 134), а А. Адлер убедительно доказывает, что мотив имеет любое осмысленное действие: «Людьми движет потребность преодолеть чувство неполноценности и стремление к превосходству» (Адлер, 2020: 86).

Лингвистика оперирует несколько иным понятием – *интенцией*, характеристики которой разработаны в теории речевых актов и прагмалингвистике. Интенциональность речевого акта неоднозначно определяется в обозначенных лингвистических течениях. Так, Дж. Серль связывает ее с внешними условиями коммуникации: «субъективные состояния соединяют меня с остальным миром, и общее имя этой связи есть интенциональность» (Searl, 1998: 37). Для прагмалингвистики интенция самым тесным образом связана с иллокутивной и перлокутивной силой высказывания, то есть стремлением воздействовать на внешнюю среду. При этом для обоих направлений намерение – это только один из видов интенции. Несмотря на наличие такого рода расхождения, думается, что в настоящее время лингвистическая экспертология не может

игнорировать понятие интенции, ибо оно 1) детерминирует речевую деятельность и 2) может быть установлено экспертными процедурами текстового анализа. Первый аспект следует признать основой терминологического понимания умышенности сквозь лингвоэкспертного исследования коммуникативной деятельности.

Для установления признаков умышенности вербальной деятельности следует также обратить внимание на две категории, составляющие оппозицию: *мнение–факт* (оценка–утверждение, по А.Н. Баранову). Значимость данных понятий по отношению к термину умышенность обусловлено их ролью в определении типа речевого высказывания. Выражение мнения не попадает под квалификационные признаки правонарушения: информация, не являющаяся утверждением, – это выражение субъективного представления о положении дел или оценочного суждения об объектах окружающей реальности, что, в свою очередь, относится к базовым правам личности. Факт – это выражение утвердительное, свидетельство объективности содержания высказывания. Лингвистическая экспертология, разумеется, не устанавливает корреляцию соответствия данных утвердительного высказывания и их реально-фактологических характеристик. Это относится к компетенции суда. Задача специалиста в этом случае чаще всего сводится к уточнению типа сведений, разъяснению вероятностных последствий их распространений.

Для определения терминологического значения умышенности как категории лингвоэкспертной работы разграничение фактологичности речевого акта и выражения мнения позволяет установить вторую важную характеристику рассматриваемого понятия – отсутствие оценочного компонента.

В современном научном пространстве, характеризующимся усилением принципов интердисциплинарного изучения проблем, трансфер терминологических категорий является нормой. При этом новое понимание отдельных категорий, описание их характеристик привели к возникновению такого явления, как пластичность терминологической единицы. Уровень ее абстракции постоянно возрастает, а использование в иных исследовательских пространствах позволяет интенсифицировать научную интеракцию. Важными качественными показателями терминологического трансфера стали обоснованность введения в понятийный аппарат новых единиц, а также соблюдение баланса взаимопремущественности одного и того же термина в разных исследовательских направлениях и парадигмах.

Неукоснительное соблюдение представленных правил объективизирует не самую высокую динамику формирования собственного терминологического тезауруса современной юрислингвистики. Важным для одного из самых молодых лингвистических течений является категория умышенности, ибо ее лингвоэкспертное изучение позволяет выявить значимые характеристики преступления, совершаемого вербальным способом, а также установить сам факт совершения противоправного поступка.

Понимание умышенности как терминологической категории юрислингвистики обусловлено двумя аспектами. Первый связан с интенциональной направленностью речевой деятельности, второй – с рассмотрением объективности ее содержания. Исходя из этого, умышенность может быть определена как *детерминированная интенцией и не субъективизированная оценочными характеристиками речевая деятельность*. Представленное понимание

рассматриваемого термина видится, с одной стороны, удачным, так как оно не диссонирует с правовым представлением умысла, а также позволяет подвергнуть экспертной оценке текстовый материал верифицированными лингвистическими методами. В другой стороны, результаты исследования актуализируют необходимость более глубокого осмысления категории интенции, которая сама не получила однозначного определения в лингвистической теории, в частности, теории речевых актов, прагмалингвистике, генриктике и др.

ЛІТЕРАТУРА

1. Адлер, А. (2020). *Индивидуальная психология*. Москва: Питер.
2. Баранов, А.Н. (2007). *Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика*. Москва: Флинта.
3. Гегель, Г. (2009). *Философия права*. Москва: Мир книги.
4. Голев, Н.Д., Матвеева, О.Н. (2006). Лингвистическая экспертиза: на стыке языка и права. В *Юрислингвистика–7: язык как феномен правовой культуры* (с. 189–210). Барнаул.
5. Иссерс, О.С. (2012). *Коммуникативные стратегии и тактики русской речи*. Москва: Издательство ЛКИ, 2012.
6. Кісіль, Н.В. (2015). Сутність та зміст судово-експертної діяльності у сфері інтелектуальної власності. *Теорія та практика судової експертизи і криміналістики*, 15, 346–354.
7. Комарова, З.И. (2010). Проблема языка науки. В *Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики* (с. 7–24). Екатеринбург.
8. Новиков, А.М. (2013). *Энциклопедический словарь по психологии и педагогике*. Москва: Издательский центр ИЭТ.
9. Осадчий, М.А. (2007). *Правовой самоконтроль оратора*. Москва: Альпина Бизнес Бук.
10. Смирнов, В.А. (2011). К вопросу о соотношении категорий «вина» и «цель» преступления. *Вестник Томского государственного университета*, 3, 134–137.

Anton Lavitski

THE TERM SYSTEM OF MODERN JURIDICAL LINGUISTICS: A CATEGORY OF PREMEDITATION

The need to form one's own conceptual and categorical framework is an obligatory condition for the stable development of any research area of focus. The arrangement of the term system is 1) complex manifestations of indicators of accumulated scientific experience and applied research data, as well as 2) the most important tool for conducting cognitive and research activities. That is why this task is on the current agenda of modern juridical linguistics.

Legal linguistics actively uses the definitions of both linguistic theory and its directions, and jurisprudence. However, a complete calquing of the meaning of terminological units does not allow solving problems associated, first of all, with the construction of expert procedures for analyzing a text for the presence of signs of delinquent speech behavior in its content.

The article gives proof of the necessity of introducing the category of premeditation into the terminological thesaurus of jurisprudence. The significance of this concept is due to the following factor: intention is not only one of the forms of guilt, but also an identification feature of some crimes committed verbally. Expert determination of this feature of speech activity is impossible in the absence of a juristic terminological definition.

The principle of trans-terminologization, which is the basis for the arrangement; of the formulation of the category of premeditation, implies the acquisition of previously unusual characteristics in a new scientific and research vocabulary. In the legal linguistic direction, these characteristics include the intensional dependence of speech activity, as well as the absence of markers for the expression of subjective opinion in the text, in other words, factology. On this basis, we understand premeditation as speech activity determined by intention and not subjected by evaluative characteristics.

The proposed terminological definition does not only enter into dissonance with the legal interpretation of premeditation, but also allows, using verified methods, to conduct a special linguistic study for the acquisition of appropriate signs in the text.

Key words: premeditation, juridical linguistics, term system, trans-terminologization, intention.

REFERENCES

1. Adler, A. (2020). *Individual'naja psihologija*. Moskva: Piter (in Russ.).
2. Baranov, A.N. (2007). *Lingvisticheskaja jekspertiza teksta: teorija i praktika*. Moskva: Flinta (in Russ.).
3. Gegel', G. (2009). *Filosofija prava*. Moskva: Mir knigi (in Russ.).
4. Golev, N.D., Matveeva, O.N. (2006). Lingvisticheskaja jekspertiza: na styke jazyka i prava. In *Jurisljinguistika–7: jazyk kak fenomen pravovoj kul'tury* (pp. 189–210). Barnaul (in Russ.).
5. Issers, O.S. (2012). *Kommunikativnye strategii i taktiki russoj rechi*. Moskva: Izdatel'stvo LKI, 2012 (in Russ.).
6. Kasil, N.V. (2015). Sutnist ta zmist sudovo-ekspertnoi diialnosti u sferi intelektualnoi vlasnosti. *Teoriia ta praktyka sudovoi ekspertyzy i kryminalistyky*, 15, 346–354 (in Ukr.).
7. Komarova, Z.I. (2010). Problema jazyka nauki. In *Aktual'nye problemy germanistiki, romanistiki i rusistiki* (pp. 7–24). Ekaterinburg (in Russ.).
8. Novikov, A.M. (2013). *Jenciklopedicheskij slovar' po psihologii i pedagogike*. Moskva: Izdatel'skij centr IJeT (in Russ.).
9. Osadchij, M.A. (2007). *Pravovoj samokontrol' oratora*. Moskva: Al'pina Biznes Buk (in Russ.).
10. Smirnov, V.A. (2011). K voprosu o sootnoshenii kategorij "vina" i "cel'" prestuplenija. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 3, 134–137 (in Russ.).

УДК [811.161.2'373:811'373]:340.113

Н.В. АРТИКУЦА

м. Київ, Україна

МОВНО-ТЕРМІНОЛОГІЧНІ ПРОБЛЕМИ СУЧАСНОГО ЗАКОНОДАВСТВА УКРАЇНИ

Статтю присвячено аналізу актуальних мовно-термінологічних проблем сучасного законодавства, виявлених у результаті лінгвістичного моніторингу документів Баз даних «Законодавство України» та матеріалів Словника законодавчих термінів, огляду публікацій у юридичних і мовознавчих виданнях. Автор класифікує типові помилки, наводить приклади труднощів терміновживання з текстів нормативно-правових актів і наголошує на необхідності комплексного зваженого підходу до розв'язання проблем, пов'язаних з унормуванням, уніфікацією та стандартизацією законодавчих термінів.

© Н.В. АРТИКУЦА, 2021